

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Их помогли родные «стены». Я не про проспект Калинина, разумеется, что от Театра на Малой Бронной тоже недалеко, а скорее уж про Тверской бульвар — он-то вовсе по соседству. Гастрольную площадку, понимаю, выбирали не сами — значит судьба.

Калининский бенефис на Тверском бульваре

КАЛИНИНСКИЙ драматический театр не был в столице давно. В северную наезжал частенько — это правда, но там сценические дела с нашими не топились, конечно! — подальше от Калинина и поближе к... бульвару, Тверскому! Позиция областной драмы многим в Твери непонятна. Скажем, тюз-земляк не пропустил, кажется, ни одного бестселлера из тех, что озадачивали нас в последние годы со страниц толстых журналов. Облдрама, располагающаяся в своем городе в аккурат напротив дома по бывшей Миллионной, где бывал не раз Александр Островский, подержанную сохранила равновесие. Чаровский «Вишневый сад» играла чуть ли не полтора десятилетия (это в полумиллионном-то городе!), тому же Островскому не изменяла никогда, о чем свидетельствуют всевозможные дипломы с костромских фестивалей, посвященных «драматургии на все времена». Увы, отдавали какую-то дань «Эффекту Редкина» да Рачеру с Константиновым, но все-таки позицию собственную уважали, отстаивали и защищали.

Главный режиссер Вера Ефремова, похоже, обладает неутоленным иммунитетом против нынчеших театральныч поветрий, нарождающихся стремглав, а меняющихся того пущее... За дипломированными «Волками и овцами» и «Последней жертвой» следовало «Светит, да не греет», за легендарными «Вишневым садом» — «Чайка». Очередной режиссер Валерий Персиков между тем одаривал зрителей подзабытой или «бывшей» Вл. Маяковского и удивил город надеждою ему психическими расстройствами Алана Стрэнга — героя «Энуса» П. Шеффера...

Мне кажется, в этой своей последовательности В. Ефремова, в хорошем смысле слова, подневольный человек.

Убежден, ее труппа — одна из сильнейших в современной театральной России, а значит, пичкать актеров драматургическими продуктами не щедрой на них перestroйки — было бы изменить им, актерам, и себе, худруку, тоже изменить.

Одному в Москве открывались... «Детям Арбата». Пошли даже на то, что заблуждавшегося исполнителя роли Саши Панкратова заменили на режиссер-постановщика В. Персикова. Экран — основная деталь сценария спектакля, — помимо прочего, показал: а ведь существует, ох, существует эта чертова боязнь не угнаться за нынешними арбатскими тусовками, немодными, что ли, оказаться, и потому — пусть Рыбаков. Пусть «Дети...» того давнего, живого Арбата.

Этот спектакль состоит из случайностей. Одна из первых инсценировок в стране собрала в себя все наши тогдашние эмоции (помните!) от шумной встречи с неожиданным романом. Персиков как режиссер жаждет до сценического пространства, здесь же его сопротивле-

ние оказалось настырным: образ спектакля не определился. Все, прочли, поставили асу, асу открылись на столичных гастролях...

А как же все то, о чем шла речь вначале! Так, по-моему, именно об этом и шла речь. Кстати, припоминаю, как вскоре после премьеры этого спектакля в одной из калининских газет прочитал рецензию: театр обвинялся в... пропаганде сталинизма. Видно, и критик асуя побывал на бывшей Миллионной. Но это к слову.

Искусство «Чайки» и «Любови под вязами» Юджина О'Нила — не показушное эстетство, хотя действительно очень красиво (сценографы соответственно А. Иванов и А. Лапшин). У В. Ефремовой есть способность, казалось бы, безоглядно внедриться в быт персонажей, но точное же переключить происходящее на совершенно иное, куда больше пространство — и в результате в той же «Чайке» старая усадьба у озера воспринимается не иначе, чем полупустоты подмостки трагического театра. А в «Любови под вязами» драматические перипетии молодых и не очень персонажей спектакля, конечно же, перерастают границы формы Эфремы Кэбот. Два эти работы, судя по всему, на пути повторения рекорда долготельства «Вишневого сада».

О возрождающихся в Калининском театре актерских бенефисах можно было бы написать отдельно. Но что, как не бенефисы, для эти спектакли для А. Чуйкова (Дорн, Эфремы Кэбот), И. Андриановой (Маша, Абби Патнем), И. Шелудченко (Треппель, Эбин), К. Юченкова (Тригорин), Н. Шостака (Нина Заречная)?

И уж не этими ли соображениями руководствовались в Калининском театре, принимая к постановке, прямо скажем, не всеми нами любимую «Мачеху» Огюста Бальзака. И правде, чего-то думалось, наверное, о силе для Н. Хонинной — великолепной актрисы, действительно украшающей не бедную но таланты тверскую сцену. Любовная круговерть — с ядами, ночными свиданиями, слезной и букетом самоубийства — выписана у автора с изяществом анекдота. Увы, не больше того! И вдохнуть жизнь в весьма «годульную» плоть этих не самых удачных балльзакских персонажей все-таки не удалось, ни В. Ефремовой, ни Н. Хонинной (Гертруда), ни многоопытному А. Чуйкову (генерал де Граншан). Странно, но калининские «Мачеха» звучала лишь в те моменты, когда исполнительница — жалая того, или не жалая, скорее — начинала... пародировать собственный спектакль. Да, прямо на сцене, во время действия, видимо, подсознательно ощущая потребность выразить свои собственные отношения и доносимым до нас плавкой невинным знаком тех давних, французских XVIII века страстей. Неудача? Наверное, да, в том смысле, что и добросовестность в театре иногда наказуема. Но не завала ли это, с другой стороны, на Шиллера, Шекспира... А вот то, что не есть это заявка на очередные «Дети Арбата», «Сто дней до приказа» или «Аосмическую проститутку» — похоже, точно...

Столичные гастролы калининцев у Тверского бульвара не были продолжительными, да и репертуар был, разумеется, неполным. Конечно, что-то из зрителей так и не оценил сполна, но что способен на сцене удивительный актер Н. Бутуркин (Сорин в «Чайке»), «не дошли руки» до «Стойкого словачского солдата» по Андерсену (в главную роль в исполнении А. Благоващенко того стоило!), но все познакомились с разными, но одинаково дружелюбными Котами Леопольдами в исполнении К. Юченкова и В. Чернышова (последний, кстати, в «Детях Арбата» в значительной мере спасает положение — Дьяков, следовательно ОГПУ)...

«Энус» — бенефис В. Кулягина. И несмотря на прекрасные работы его основных партнеров — К. Юченкова и В. Мартыновой, все-таки это страшное повествование о нем — юном Алане Стрэнге, подхватившем инфекцию окружающей плоти и подлости, а вот чем при этом заблуждавшемся — разговор тяжкий и более чем неприятный. Сексуальный комплекс, изуверское преступление — повествование театр ведет жестко и мужественно. Роль Кулягина играет просто на пределе сил и темперамента. И, к счастью, у этого актера немало, а в результате — одно из наиболее ярких впечатлений от завершающихся калининцами гастролей.

Я верю, что их город скоро станет Тверью. Значит, еще родней окажется им замечательный бульвар в центре Москвы. И когда-нибудь опять принесет удачу.

Виталий ПОТАПОВ.

Фото В. Панова.

